

ЕВГЕНИЙ НЕЧКАСОВ

ПРИБЛИЖЕНИЕ И ОКРУЖЕНИЕ

ОЧЕРКИ О ГЕРМАНСКОМ ЛОГОСЕ,
ТРАДИЦИИ И НИЧТО

ТОТЕНБУРГ
МОСКВА 2026

УДК 1(430)
ББК 87.3(4Гем)
Н59

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Площадки автора:
www.askrsvarte.org | www.t.me/traditionalism

Нечкасов, Е.

Н59 Приближение и окружение. Очерки о Германском Логосе, Традиции и Ничто. Издание третье, скорректированное и дополненное. — М.: Тотенбург, 2026. — 360 с.

ISBN 978-5-9216-2524-2

Автор рассматривает различные аспекты Германского Логоса и германо-скандинавской традиции в свете фундаменталь-онтологии Мартина Хайдеггера и вопрошающего поиска Ничто как Иного.

Книга ориентирована на широкий круг интеллектуальных читателей, представителей академических религиозноведческих, культурологических, исторических, философских и других наук.

**УДК 1(430)
ББК 87.3(4Гем)**

© Нечкасов Е. А., 2026

© Каспар Давид Фридрих, обложка

ISBN 978-5-9216-2524-2

© Издательство «Тотенбург», 2026

ГЛАВЫ

Предисловие	5
I Приближение и окружение	9
II Язык	13
Deutsch und volk	16
Грани термина «язычество»	18
III Война как центр бытия Германского Логоса	25
Титаномахия и Рагнарёк	29
Три мышления войны	43
Партия двух логосов Европы	46
Война в основе Seyn	60
IV Бог Изумления и Поэзии	68
Одг	69
Гёльдерлин	78
Πολιτεία поэтов: George-Kreis	83
Мудрость, экстастика, смерть	87
Имена	89
Война, спор, игра	91
Жрец, философ, мышление	96
V Бытие к смерти	104
Смерть в германской традиции	106
Боги и смерть	111
VI Сокрытие Бездны	116
Привлечение этимологии	118
Привлечение семиотики	124
Привлечение представления	132
Resume	136
VII Αλήθεια	146
VIII Ничто	150
Метафизическая проблема Nihil	150

Нигилизм.....	158
IX Götter und Gottheit	169
Майстер Экхарт: прорыв к Gottheit.....	171
"Ев и монизм в германской традиции"	177
X Язык Года: А-І-U и Безмолвие	196
Экзистенциал речь (Rede)	206
XI Язык скандинавского Dasein	211
Sein и Dasein	211
Ereignis — Событие	214
XII Локи и Прометей	218
XIII Человек и его структуры	231
Три человека Иоганна Таулера.....	241
Фауст Просвещенный	245
Отношение человека к миру	251
Настроение скуки	255
Resume	259
XIV Сокрытие Европы	261
Метафизика сокрытия.....	261
XV Wald und Nebel	274
XVI Resume: Последний горизонт	291
Или смерть?	296
Последний Бог	299
Appendix: О боли и мире	303
Appendix: Тайна рун у Мартина Хайдеггера	328
Appendix: Шварцвальдский шаман	345
Об авторе	355

Предисловие

Первая рукопись книги «Приближение и окружение» была наскоро создана в 2016–2017гг. Практически сразу после выхода началась работа над переводом книги на английский язык, и он вышел в культовом издательстве Arktos в 2020 году¹, одновременно со вторым русским изданием в «Языках славянской культуры».

Выход третьего издания в 2026 году знаменует и десятилетие нашего пристального внимания и изучения европейской в целом, и немецкой в частности, философии с особым акцентом на фундаменталь-онтологию Мартина Хайдеггера.

«Приближение и окружение» следует считать первой книгой нашей хайдеггерианской серии, где были обозначены многие интенции и наброски, которые получили детальное развитие в дальнейших работах. Как и у любой открывающей новое направление мысли книги — в ней есть достойные и глубокие прозрения, экспозиции важных проблем и траекторий. Как есть и места слабые и наивные, связанные с первыми шагами и попыткой сформулировать, нащупать новый язык мышления и изложения. Не лишним будет сказать, что некоторые ответвления или привлеченные идеи и авторы, как показало время, опыт и развитие затронутых тем — оказались балластом или тупиками. К ним мы относим явно «эзотеричные» отрывки и окольные тропы мыслей, которых в последующих книгах уже не найти. Небольшие критические замечания в адрес современного язычества (неоязычества, эзотеризма), которые были обозначены в этой работе почти десять лет назад — сегодня приводят нас к убеждению и предупреждению читателя, что от этой среды и разрозненного собрания идей следует держаться на большой дистанции. Ибо симуляционная, исторически и онтологически бесперспективная природа современного язычества стала нам полностью очевидна. Важно уточнить, что речь не идет о критике мифа, пантеона или аутентичного наследия европейских народов, — речь про сугубо современное явление, сообщества, и конstellацию существующих в нем идей. Критика оных всегда имела места в наших книгах, но на данном этапе, и в свете интересующих нас онтологических проблем, от критики следует перейти к простому отрицанию какой-либо возможности иерофании сакрального и онтологического в этой среде.

¹ См.: Askr Svarte «Gods in the Abyss. Essays on Heidegger, the Germanic Logos and the Germanic Myth», Arktos, 2020.

И, например, то же разбирательство с дарами первым людям от божественных братьев Одина-Вилли-Ве, на основе американского философа Коллина Клири, — следует понимать скорее в духе аналитики экзистенциалов Dasein, без привязки к эзотеризму вообще.

Аналогично, рунико-фонетические гипотезы по мотивам Германа Вирта, стоит оставить в пользу общей теории онтологического и сакрального понимания языка как творящего мифопоэзиса, связанного с теоалгонтологией, жертвой и ответным даром, что детально рассмотрено в книге «К Другому Мифу».

Касательно заявленного пангерманского подхода необходимо сказать следующее. Мы обращаемся к Германскому Логосу как к *метафизическому пангерманскому целому*, которое в некотором роде предшествует «сверху», проявляется и единит собой различные полюса германских народов, выражающих — в разных пропорциях, отношениях, нюансах, акцентах, языковых и фольклорных идеовариациях — общие глубинные изначальные интенции и структуры. В некотором смысле логос есть судьба, начало и конец германского как такового.

Следует уточнить, что пангерманизм логоса мы понимаем не как одновременный охват всей широты кроны и вариации листы — конечных и разнообразных культурных проявлений разных германских народов в исторической и географической перспективах, — но как постижение самого ядра, того семени, которое предшествует всему разнообразию, но при этом определяет уникальность и отличие германского от иных культур. В данном случае мы говорим о метафоре дерева, корнем уходящего в небо, а ветвями-народами тянущегося к земле, к фактической конкретике бытия-в-мире.

На языковом уровне это будет означать, что мы признаем прагерманское Wōðanaz, древнеисландское Óðinn, древнеанглийское Wōden и иные этнические хейты — именами одного Одина-Всеотца, специфически отражённого [странствующего] в языках, регионах и эпохах.

Любые (гео)политические коннотации и проекты «единой немецкого пространства» не имеют к нашей философии никакого отношения, потому что в сфере политического действия мы занимаем позиции пессимизма и «ухода в лес» по Э. Юнгеру².

Нельзя обойти вниманием и ряд критических замечаний к философии традиционализма, которые в данной книге едва намечены, но получили

² См. также Эбергард О. «Речи о Всеотце».

серьезное осмысление и развитие в следующей ключевой работе — «К Другому Мифу». Действительно, сравнение и постановка вопроса о возможности связи фундаменталь-онтологии и Другого Начала Мартина Хайдеггера с классическим традиционализмом — большой и проблемный вопрос, которым мало кто занимается. В нашей точке зрения, здесь возникает ряд фундаментальных нестыковок — но при общем созвучии все тех же ведущих интенций. Поэтому в данной книге традиционализм упоминается неоднократно, но в дальнейших работах «К Другому Мифу» и «Триптих боли» мы прямолинейно обозначаем те места, где две большие философские школы несовместимы. Там начинается другой берег или иной горизонт мышления о бытии, священном, теологии и человеке.

Для тех же, кто впервые ступает на эту непростую землю сложного языка и вопросов — мы рекомендуем наше масштабное учебное пособие «Структуры сакрального», которое дает широчайшую и наглядную экспозицию и проясняет многие моменты, которые в этой книге затрагиваются частично или вовсе выходят за её пределы.

Специально для этого издания добавлены три приложения (Appendix) из числа более поздних и зрелых текстов, подробно рассказывающие о феноменах внутримирного настроения Dasein, онтологии боли, о поэзии Мартина Хайдеггера и нетривиальном толковании слова *gupa* в его трудах. А также дается небольшой обзор и навигация по ключевым трудам шварцвальдского мэтра — для дальнейшего самостоятельного изучения и погружения в темы.

Сам текст оригинальной рукописи дается с небольшими, но принципиальными правками, которые затрагивают стилистику, ссылки и некоторые акценты. Пусть наши первые и пробные несовершенства будут памятником и назиданием для ищущих и грядущих.

Евгений Нечкасов
Весна 2026

I

Приближение и окружение

Тактика окружения подразумевает собой замыкание кольца вокруг вражеского войска или пространства, которое необходимо захватить. Данная работа представляет собой серию размышлений и рассуждений, которые охватывают (берут в «котёл») интересующую нас тему недвойственного начала в Германском Логосе, его мышлении, мифе и традиции.

Германцы исторически являются одной из фундаментальных структурообразующих сил в Европе, её истории, мышлении и самоосмыслении. Начиная с первых военных контактов с Римом и заканчивая языками, философией, поэзией, культурой, королевскими родами и войнами, эта сила формирует европейскую идентичность наравне с Античной Грецией и Римом. Европа, по словам Н. Данилевского, — это романо-германская цивилизация. Германский Логос есть выражение *природы германского*, которая разворачивается и раскрывается в многообразии народов: немцев, фризов, шведов, норвежцев, исландцев, датчан и других, а также в их языках, традициях и культуре; делает их отличными от других народов и их глубинных структур идентичности. Мы обращаемся к Германскому Логосу как к пангерманскому целому, которое в некотором роде предшествует «сверху», проявляется и единит собой различные полюса германских народов, выражающих — в разных пропорциях, отношениях, нюансах и акцентах — общие глубинные изначальные интенции и структуры; в некотором смысле Логос есть судьба, начало и конец германского как такового.

В географии нашего Логоса преобладает континентальный полюс, сердце которого — пространство современных Германии и Австрии. Германцы этих земель активно участвовали в истории, войнах и политике Европы. Чуть в тени находится полюс Скандинавии (Швеция, Дания, Норвегия, Исландия), в котором произошла локализация, кристаллизация и консервация германо-скандинавского мифа и традиции. При большом интересе к традициям германцев и скандинавов мы также обращаемся к континентальной немецкой теологии и философии.

Германский Логос в XX–XXI веках находится в сложном состоянии самозабвения, сокрытия, экзистенциальной паузы и ожидания. Историческая судьба Германского Логоса — это одна из осевых линий нашего повествования, которая тесно переплетена с тематикой смерти как

особой инстанции, связанной с сокрытием, бытием, аутентичным Dasein и Ничто. В своем радикальном упадке Германский Логос стоит перед экзистенциальным вызовом и в экзистенциальной задержке. Так и вопрос недвойственности, и связанных с ним апофатки и дальнейшего [способа] бытия, бросает вызов германскому мышлению.

В основе Германского — в мышлении германца — лежат война и смерть, трактовка которых может меняться в ходе поворотов реки истории. Эта же воинственность, но в сфере мышления, лежит и в основе наших приближений, которые используют язык военного дела и его тактику в изучении вопросов, превосходящих необходимую для войны дуальность противников на поле боя.

Несмотря на довольно прямую постановку вопроса о недвойственности в германском мышлении и Логосе, предполагаемый ответ мыслится нами как *приближение* к тому, что невозможно выразить Словом (λογός), но на что можно указать, что может быть схвачено или, скорее, раскрыто доверившимся этому путешествию читателем как «сердце» того, что будет окружено серией рассуждений. Забегая вперед, можно узреть, что мы окружаем Пустоту Ничто. Однако то, что с точки зрения военной стратегии является бессмысленным и абсурдным занятием, как сдавливание пустой петли, в деле философии обретает решающее значение: не «всё или ничего», но «всё через ничто».

Философия считается противостоящей [противо-поставленной] мифу, что отчетливо видно уже у Платона и платоников, но наша позиция к мифу открытая, мы на его стороне. Поэтому язык «Окружений» можно назвать *филомифическим* — любящим и миф, и философию. Мы занимаем твердую позицию традиционализма, германской традиции, которая сегодня так или иначе существует под множеством имен. С этой позиции мы проводим апологию манифестационистского прочтения Германского Логоса и деконструкцию идей поздних христианских мистиков в нашем русле.

Ранее мы уже рассмотрели многие аспекты строго мифологического и современного прочтения германской традиции в русле ухода от воинственной дуальности в сторону трансгрессивного прочтения германско-скандинавской мифологии³. Эти труды не принесли явных ответов на вопросы мышления, прояснив скорее вопросы ритуальной практики и мифо-традиционных внешних форм, которые важны как формы

³ См.: Нечкасов Е. «Структуры сакрального».

практической трансгрессии, влияющие на размышление о нашем вопросе опосредованно.

Необходимо более основательное *приближение и окружение Пустоты Ничто Германского Логоса*. Это приближение одновременно является и жестом германского Ума, обращенным к своему пределу и за него. Окружая Пустоту Ничто, германский Ум (Логос, мышление) тем самым, *пребывая сам по себе в окружении своих границ*, нащупывает их и намечает выход за свои собственные пределы. Лобовая атака Ничто мышлением вызывает сбой, отвлечение, смятение, бегство и отступление. Ум спотыкается, избегает, отказывается мыслить Пустоту. Эта тактика не приносит плодов, поэтому приближение и окружение «внешней» Пустоты Ничто также являются для Ума узкой дорожкой для выхода из собственного само-окружения «внутренними» границами мышления. Во многом язык «Окружения» — это язык парадоксов, так как разницы между «внешним» [Пустотой Ничто] и «внутренним» [границами мышления Ума] на самом деле нет: постигая и окружая Пустоту Ничто, Ум приближается и окружает свою собственную природу внутри себя. Пустота Ничто — это не географическое пространство, в которое можно прийти и попытаться вместить увиденную картину в ограниченный язык рациональных логических операций и вербальных коммуникаций языка, и шире речи. Знание Пустоты не помещается в ячейку, нишу на полке, удобную для аналитических и механических операций бинарных вычислений и мышления. Пустота Ничто не поддается словесному выражению и описанию, а значит, язык не может выражать её и оперировать ею напрямую. Условное слово-термин — не более чем указующий на Луну палец из известной притчи. Поэтому постановка Пустоты Ничто «вовне» — не более чем тактическая условность, снимаемая тонкой и внимательной рефлексией «внутри». Ничто не познается как «отсутствие», «пустота» в полости черепной коробки или сердца.

Схватить Пустоту можно в трансгрессивном акте правильного мышления, к которому подводят наши приближения и окружение.

Из вышесказанного отчетливо явствует, что «Окружение» не столь актуально для Русского Логоса и русского традиционализма, и особенно для повестки простого «обывательского» неоязычества. К практической и ритуальной части этот труд ничего не добавляет и только запутывает все

уже давно данные и известные определения и пути. Неоднократно мы допускаем сомнение или открываем недостаточность традиционализма, что может ещё более отдалить неподготовленного читателя от пути следования за зовом вечных Богов.

Но этот взгляд немного поверхностен. Так как язык «Окружения» — русский, а в русской истории немалую роль сыграли германцы (как непосредственно — в лице варягов Рюрика и его династии, позже — династии Романовых, так и опосредованно — в силу интенсивных культурных и политических контактов), да и современное русское язычество испытывает очевидную неререфлексируемую тягу к германско-скандинавскому мифу. Все это делает «Приближения» как минимум интересной формой диалога и герменевтико-филологических кругов-экскурсов и переплетений между германскими и славянскими языками в вопросах будущего бытия.

Повествование глав не всегда линейно следует друг за другом. Поэтому рекомендуется при прочтении совершить герменевтический круг: «Окружение» необходимо совершить дважды (или многократно) при сосредоточенном и доверительном мышлении, и тогда, возможно, свершится приближение к искомому.

II Язык

Отцовский язык философии — греческий. Это язык начала философии, главный, наряду с латынью, язык западной мысли. Языком конца философии стал немецкий язык, о чем говорил ещё И. Г. Фихте⁴ и что полностью воплотили Г. Гегель, Ф. Ницше и М. Хайдеггер. Здесь мы видим первую силовую ось приближения — эллинское–германское, начало и конец Первого Начала западной философии. Но если язык начала философии — греческий, язык конца философии — немецкий, то язык германского мифа — старонорвежский (oldnorse), сохранившийся в древнеисландском (fornnogetna) и дошедший до нас с наименьшими изменениями в современном исландском.

Исландский язык испытал минимальное романское и датское влияние, которое активно компенсировалось движением языкового пуризма, одним из символов которого является стилизованный под Молот Тора (Mjölnir) флаг Исландии. Современный исландский язык довольно чист и очень близок древнеисландскому, на котором были записаны саги, Старшая Эдда и множество текстов скальдической поэзии, заговоров и так далее, что делает его уникальным с точки зрения языка феноменом.

Тонкая и на первый взгляд неочевидная проблема, связанная с языковым пуризмом в Исландии, особенно с его радикальной, «высокой» (Háfrónska) версией, заключается в том, что подобранные слова-аналоги и новые конструкции порой либо искажают изначальный термин, либо вносят в его понимание этимологические и семантические штрихи, которые резонируют с окрестностями слова и вызывают в мышлении ассоциации и созвучия, которых быть не должно. Возникает диссонанс между лексическим значением термина и его этимологией, соседними смысловыми полями. С традиционалистской точки зрения это особенно важно в отношении технической и виртуально-медийной терминологии, в случае с которой следует подбирать негативно окрашенные, «демонические» термины, подчеркивающие современную упадочническую (Эра Волка, Рагнарёк) природу этих явлений на уровне обиходного языка.

Например, термин «Большой взрыв» — название общепринятой теории появления Вселенной, предложенной А. Эйнштейном, плод неклассической физики начала-середины XX века, — передается в

⁴ См. Фихте И. Г. «Речи к немецкой нации».

радикальной версии как *ginnungahvellur*. Первый корень слова *ginnunga* напрямую отсылает к строкам Старшей Эдды, Прорицания Вэльвы, где говорится о происхождении мира из «зияющей бездны» — *gap var ginnunga*, *Ginnungagap*:

3.
В начале времен,
когда жил Имир,
не было в мире
ни песка, ни моря,
земли еще не было
и небосвода,
бездна зияла,
трава не росла⁵.

3.
Ár var alda,
þar er ekki var,
var-a sandr né sær
né svalar unnir;
jörð fannsk æva
né upphiminn,
gap var ginnunga
en gras hvergi.

То есть строго научная атеистическая теория происхождения Вселенной связывается с мифом о проявлении мира из Бездны напрямую через употребление термина «зиять», «разверзаться», «околдовывать». В результате термин начинает резонировать с мифом, вызывая к себе иррациональное мифологическое доверие в сознании. Происходит мимикрия и подмена окраски иноязычного термина и модернистского понятия в языке через наделение его мифологическими коннотациями.

Второе слово *hvellur* означает «грохот», «раскатистый гром». В сравнении с плоским английским *Big Bang*, (Большой Бум/Взрыв), даже сомнительная с традиционалистской точки зрения калька обладает большей поэтикой и оттенками.

В качестве обратного и позитивного примера можно привести сам термин *Háfrónska*, второй корень которого *frón* — название исландских земель из Старшей Эдды, что связывает название страны напрямую с мифом. Вместе с первой частью *Há* — «высокий» — что отсылает к части Эдды «*Havamál*», «Речи Высокого», Высокий — одно из имен Одина.

⁵ Устоявшийся перевод: «бездна была разверзнута». Мы преимущественно используем перевод А. Корсуна, но он содержит в себе неточности, сбивку нумерации и лакуны до половины стиха, поэтому мы дублируем все стихи нормализованным древнеисландским текстом под редакцией Guðni Jónsson и по возможности исправляем и дополняем версию А. Корсуна. «Младшая Эдда» цитируется преимущественно по переводу О. Смирницкой.

В случае языкового пуризма всегда следует оглядываться на этимологию слова и его окрестности в языке. Употребляемое слово (неважно, произнесено оно вслух или в уме) при произношении подобно струне, которая, звуча сама, своей вибрацией задевает соседние струны-слова-понятия, вызывая сразу целый комплекс индивидуальных и коллективных культурных и архетипических ассоциаций; слово всегда звучит не одно, а в резонансе или диссонансе с другими. Слово может иметь однокоренные и созвучные слова-«соседи», омонимы, синонимы, антонимы, паронимы и синекдохи, которые также звучат в сознании и влияют на восприятие как слова, так и его лексического значения, что далеко не всегда рефлексивируется в ходе речи и мышления, осмысления сказанного и услышанного. Эти симфонии слов работают в сознании, но обыденное мышление зачастую их даже не замечает и «пробегает» мимо них, но для философского мышления они чрезвычайно важны.

Доминирующий язык изложения «Окружения» — русский, в то время как предмет изложения — германский, что неизбежно и обязательно заставляет нас использовать немецкий и исландский языки по преимуществу, а также соседние германские языки и греческий, уделяя пристальное внимание тонкостям перевода и окрестных созвучий, насколько это возможно. В понятие «окрестности слова» входят: однокоренные слова, омонимы (созвучия, омофоны, фонетические совпадения лексем), синонимы и антонимы, а также элементы народной этимологии. Все лексическое и этимологическое окружение, соседство слов вызывает в сознании, а иногда и не доходя до рационального осознания, ассоциативные ряды, культурные коннотации, личностные связи, воспоминания и образы. Так вокруг слова проявляется гамма его оттенков, которые расширяют картину словоупотребления и значений, но также могут вводить в противоположные и ошибочные толкования. Такая игра слов и языка значительно усложняет перевод; в радикальной версии этой теории считается, что какой-либо адекватный и исчерпывающий перевод с одного языка на другой вообще невозможен, так как он всегда будет выражать лишь ограниченный срез семантической гаммы слов и выражаемых идей, а также наделять их новыми связями в принимающем языке, порождая языковые игры и смещения значений слов и философских понятий. Отсюда — внимание к языку, вслушивание в слова, прилаживание к течению слова и его созвучиям.

Во многом язык повествования опирается на герменевтический метод Мартина Хайдеггера, его стиль изложения и работы с языком, постановкой

и членением слов, выделением их корней для обращения внимания на сущность сказанного. Это делает язык «Окруженный» отчасти довольно «эзотерическим» для понимания, но необходимым для освобождения от быстрого и поверхностного ассоциативного ряда, возникающего при чтении, и более вдумчивого погружения в слово.

Deutsch und volk

В «Речах к немецкой нации» И. Г. Фихте обосновывает принцип построения немецкой нации на основе общности языка и апологии языкового пуризма⁶. Ключевой термин deutsch означает «народ» и восходит к древневерхнемецкому diutisc — общему имени немецких языков в эпоху Карла Великого. Имя germani, «германцы», как сообщает Страбон в «Географии», означает «подлинные». Так называли их римляне по сравнению с галлами; германцы «подлинные» галлы, то есть истинно воинственны. Русское слово «немец» означает «чужестранца» в целом, не способного говорить, «немого» от праслав. nĕmъ, и закрепляется за германцами-немцами позднее. Несмотря на то, что языковой принцип берется за основу нациогенеза в современное время, корнями он уходит в более древние времена и является одним из базовых принципов разделения народов на «своих» и «чужих».

Но Фихте говорит не просто о языке как о каком-то языке германской ветви, для него язык должен быть живым и родящим, уходящим корнями в свою природу, только тогда язык способен стать голосом народа («нации»), и он сможет говорить на нем и философствовать. Фихте готов сравнивать немецкий язык по чистоте и потенциалу только с греческим — языком начала философии. Для него из всех германских языков живым и связанным с народным корнем является только немецкий. Случаи худшей ситуации представляются, когда язык наполняется заимствованиями и кальками, либо язык отсекается от корня и наслаивается на, скажем так, иную структуру, то есть в нем до определённого предела выражается иноязычная (=иностранная) природа, чужой голос, облаченный в немецкие слова и конструкции. Пример — «пошлая латынь» галльско-французского языка. Аналогичное справедливо и для вхождения народов в тело других государств и больших наций. Языковой пуризм у Фихте защищает нацию

⁶ Речь идет уже о модернистском социальном конструкте «нации», но принципиально отличным от французского принципа «nation state», национальности по гражданству.

от влияния иного языка и мышления через молчание вновь вошедших народов; обретение ими голоса — это образование через язык:

«Пусть к изначальному народу присоединятся много другого племени и языка, и если только им не будет позволено поднять круг своих созерцаний до точки зрения, исходя из которой отныне развивается язык, то в общине они останутся безгласными до тех пор, пока сами не войдут в круг созерцаний изначального народа, и, таким образом, не образуют язык, но язык образует их»⁷.

Мы не согласимся с Фихте в вопросе оценки других германских языков, в первую очередь исландского как языка германского мифа, с окрестными дополнениями шведского, датского, норвежского, которые действительно играют более скромную роль в Германском Логосе. Для целей нациогенеза XIX века, возможно, немецкий язык времен Фихте был идеальным инструментом создания нации и завершения философии в форме наукознания⁸. Но наше окружение требует смыкания линии, которая проходит через несколько языков *ipso facto* пангерманской (охватывающей несколько полюсов и множество народов) природы Германского Логоса.

Важный нюанс в выборе языка как основы идентичности и критерия разделения на «своих» и «чужих» кроется в том, что язык — это прорастающая собирающую, конструирующую общности данность. Языковой «национализм» более консервативен, чем принцип национализма через гражданство (Франция и США) или нацистско-расовые физиолого-биологические, позитивистские критерии Третьего Рейха. Современная лингвистика может предложить лишь набор теорий, которые пытаются дать ответ на вопрос *о происхождении языка*, но все они стоят на шатком основании конвенции, носят чисто теоретический характер. Ближкую к сакральной теории о происхождении праязыка предложил Г. Вирт, сделавший упор на [праслово] имя нордического Бога AIU; к этой теме мы вернёмся отдельно. Но в любом случае язык всегда стоит перед сознанием (ранее сознания), он скрывается-и-открывается в человеческой речи, в том, что мы называем «языком» в бытовом обиходе⁹. Язык — это и магия, теургия и поле философии в том числе, и, более того, — философия по определению. «Язык есть дом бытия», по словам

⁷ См.: Фихте И. Г. «Речи к немецкой нации».

⁸ Термин Фихте, предложенный в русле пуризма как новое имя философии. Нациогенез для Фихте, как и для Гегеля и Шеллинга, начинался с создания великой философии, которая должна повлечь за собой появление и великого единого немецкого народа.

⁹ См.: Юнгер Ф. Г. «Язык и мышление».

Мартина Хайдеггера. Язык ниоткуда не происходит, не возникает функционально и коммуникативно, но *проявляет-и-скрывает* себя в человеке как бытие. Человек — это язык, существо рекущее. Язык обладает человеком.

В пространстве традиционализма «язык» — это не только язык устной речи того или иного народа, на котором он произносит имена и славления Богов, заговоры и молитвы, на котором пишет свои священные тексты, но языком является и культура народа, от слова до вышивки орнаментов на обрядовой одежде, резьбы, керамики, зодчества, поведения, обрядов, поверий и суеверий, ритуалов Года и так далее. Народы общаются с Богами и духами не только буквальным языком речи, но и языком своей культуры, быта, ритуала и поведения. В таком понимании «язык» становится синонимичен понятию «традиция», что наиболее полно раскрывается в русском слове «язычество», восходящем к церковно-славянскому *ѣзыци*, что означает «народы». Ближайшим аналогом в германском и английском языках будет общий термин *völkische/folkishe*, означающей «народничество», от *volk/folk* — народ. Этот термин, наряду с остальными, используется сегодня для обозначения языческих традиций на Западе.

В довершение заметим, что фраза И. Г. Гердера: «Народы — это мысли Бога» чрезвычайно близка и резонирует с разьясненным нами правильным пониманием термина *язычество/heidin/völkische*¹⁰.

Грани термина «язычество»

По М. Хайдеггеру, «язык — это дом бытия», в нем открывает-и-скрывает себя *Seyn-бытие*. Небо также понимается Хайдеггером как Мир (*die Welt*). Мир — это открытость и упорядоченность сущего (греч. *κόσμος* — космос), идущая с верхнего полюса оси Небо–Земля. При этом понимание Неба/Мира глубоко народно. Небо не универсально и одно для всех, оно не является научно трактуемой «стратосферой». Небо не одно, их много. У каждого народа свое Небо и своя Земля, понимание Неба, а значит, и Мира, *Welt*, глубоко народно (*Völkisch*). Народы в своем языке мыслят Небо и Мир. Язык различает один народ от другого, а значит, язык

¹⁰ Мы строго отделяем простое прилагательное «народный» от т. н. псевдоязыческого *Völkische Bewegung* — «Народнического движения» христианско-гностиического толка, распространенного в Германии в начале XX века и, позднее, запрещенного НСДАП.

различает Небо, Землю, Богов и человека одного народа от Неба, Земли, Богов и человека другого народа.

Разнообразие языков, в которых раскрывает-и-скрывает себя *das Geviert* Сеун-быгтя, — это изливающееся богатство Сеун-быгтя. Мир (*die Welt*) раскрывается народам в языках, в языках народы мыслят свои судьбы и робко общаются с Богами. В таком значении слово «язык» максимально сближается с понятием «традиции». Слово «традиция» восходит к латинскому *tradere*, что означает «передачу», «цепь» и является фундаментальным выражением сущности инициатической передачи, Традиции, о чем уже было сказано достаточно.

На иврите слово «гоим», גוים, означает «народы» во множественном числе. Изначально слово не несло негативных коннотаций и обозначало просто «народы», в том числе иудеев. Позднее, со становлением креационистского монотеистического культа Яхве (Ветхий Завет), слово обретает негативные коннотации и значение народов-иноверцев, «неверных», чужих. Причем эти народы гоев-иноверцев являлись многобожниками, окружавшими место обитания иудеев-монотеистов. То есть в иврите и иудейском пространстве слово «гоим», «народы», изначально было имплицитно тождественно традициям [языческой, язычеству]. Эксплицитно отождествление понятий «народы» и «многобожники» [язычники] происходит одновременно с религиозным обособлением иудеев и дистанцированием их от других народов. При этом происходит строгое негативное отождествление многобожия с грехом, отсюда уничижительная кличка «гой» для тех евреев, кто нарушает заповеди, или для всего народа, если он отпадает от Бога и нарушает Завет.

В греческом языке «народ» обозначался словом *ἔθνος*, «этнос», от него латинское слово *ethnicus* — «народный». В латинском же языке появляется новый уничижительный термин для обозначения многобожия — *paganus*. Слово происходит от *pagus* — округ, деревня, выселок, надел. В германоскандинавской традиции близким к этому слову является *odal* (и соответствующая руна **ᚫ**) — «надел», «участок», в том числе и родовой. *Paganus* — «сельский», «деревенский». В деревнях народные обычаи, поверия и язычество как таковое сохранялись гораздо дольше и полноценнее, чем в развитых городах (*urbanus*), откуда происходит отождествление понятия «язычник» с понятием «деревенский», образуя уничижительную синтему *paganorum* = сельский-языческий-невежественный-еретик, etc. Отсюда оппозиция «сельский/городской», несущая ещё и неясную религиозную окраску *paganus/urbanus*: [всё ещё]

язычество / [уже] христианство¹¹. Слова «гоим» и *raġan* связаны между собой через уничижительные коннотации и позднее обозначение феномена язычества, противопоставленного авраамическому монотеизму, сначала у иудеев и потом в христианской Европе и у мусульман.

Слово *heide* на немецком языке означает «пустошь», иногда его переводят как «степь». Согласно сообщениям древнеримских историков, описывавших быт континентальных германцев во время латино-германских войн, у германских племен считалось большим почетом окружить свое поселение максимально большим незаселенным пространством¹². У деревни, у племени, проживающего в ней, не должно быть близких соседних деревень с их племенами. Гордость и свобода — жить в уединении, в окружении большого пространства незаселенных земель. Большое свободное пространство — это богатство и статус для древнего германца.

То же самое слово мы находим в исландском языке — *heiðr* — и в староанглийском — *hæþen*. От исландского слова образуется *heiðni*, что означает «язычник»; от староанглийского слова напрямую происходит современное английское название язычества — термин *heathen*. Этимологически они восходят к «пустоши», «степи», пустому незанятому пространству вокруг поселения, что сближает эти слова с латинским *pagus*, в том числе присутствует и негативная коннотация «сельский=язычник». Язычник в германских языках — это тот, кто живет в большом и пустом пространстве, на Земле в *das Geviert* [с оттенком «антимодернизма» в отношении христианизированных масс]. Такое понимание окрестной пустоты, трактуемой не как «недостаток», «скудость пространства», но как «простор», «достаток», приоткрывает завесу над особым исландским языковым и культурным консерватизмом. В дальнейшем слово могло также окраситься по контрасту с более плотно заселенными землями вокруг замков, фортов, городов и т.д., ещё более сроднившись с *raġanogum*.

Термину «традиция» в исландском языке более всего соответствует слово *forneskja*, которое состоит из двух корней *forn* — «старый», «древний» и *skja* — «обычай», дословно — «старый обычай». Слово

¹¹ В русле традиционализма эта оппозиция в дальнейшем развивается в войну Традиция/Модерн по осям: язычество-*paganus*-Традиция и авраамизм-*urbanus*-Модерн.

¹² См.: «Древние германцы. История латино-германских войн в описаниях античных историков».

встречается в «Саге о битве на Пустоши» (*Heiðarvíga saga*), во время беседы Барди с конунгом Олавом Святым:

«...þó hafð þér nokkuð *forneskju* og þess konar átrúnað sem oss er óskaptíður.

...вы прибегли к *древним поверьям* и к тем обычаям, которые нам противны, и поскольку мы отринули все это от себя, мы не хотим принимать вас».

Слово *forneskja* используется для обозначения как «старых времен», «магии», так и «язычества» в исландском языке.

При переводе Библии с греческого, где для понятия «народов» использовалось слово ἔθνος, в церковно-славянском языке было сконструировано слово ꙗзыцы — «языцы». В русском языке это слово играет важнейшими красками. От него происходит само слово «язычество». При этом оно накрепко связано с понятием «народа», то есть язычество — это народничество, языцы — народы, язычник — народник. В такой оптике язычество становится синонимом понятия «традиция» в русском языке. С другой стороны, оно напрямую отсылает к речи и языку народа. Добавим к этому наше понимание традиции как не только словестного (заклинания, славления, речи, молитвы), но в том числе и материального (вышивка, резьба, зодчество, керамика и т.д.) и поведенческого (ритуалы, обычаи, обряды, войны, союзы) наследия, которое в совокупности образует язык, на котором каждый народ общается с Божественным и Богами. Получается особая семантическая ось или тесно связанные окрестности слова «язычество»: народ-язык-традиция или иазык-язык-язычество. При этом язык народа, понимаемый с совокупностью материального и поведенческого, становится отчасти приближенным к понятию Мир (*die Welt*) — четверицы *das Geivert Seyn-бытия* в философии М. Хайдеггера, то есть к открытому упорядочиванию Небом Земли, к космосу.

Понимая язычество как «народничество», мы находим в немецком и английском языках аналогичные слова *völkische* и *folkishe*, означающие так же «народничество», «народный», образованные от немецкого и английского *volk* и *folk* соответственно, при этом оба слова являются, что очевидно, одним. Эти слова также носят оттенок значений «сельский» и «деревенский», что сближает их с *raganogum*, но они не окрашены негативными тонами. Более того, эти слова сегодня используются для обозначения «язычества» и «языческого» в немецком и английском языках, обладая нейтральной окраской. Минус: эти слова не связаны с

«языком» напрямую, только косвенно, так как язык лежит в основе определения «своего» для германцев. Необходимо всегда держать в уме, что мы приходим к языческому пониманию слова *völkische* именно через герменевтический экскурс в славянскую этимологию слова «язычество». Также к этому стоит добавить принципиальную позицию М. Хайдеггера¹³, который жил в уединении в провинции и отстаивал этот образ и место (*topos*) жизни, а также огромную роль шварцвальдских лесных дорожек и троп (*holtzwege*), которые философ активно использует для метафор и иллюстраций своей мысли о бытии.

Говоря о язычестве в хайдеггерианском контексте, мы должны сделать важное и тонкое различие в понимании нами язычества, его внутренних тонов или уровней. Язычество можно понимать в значении неоязычества и неоязыческих (либо иногда просто «языческих») движений современности, которые стремятся возродить, *ре-конструировать* древние традиции как форму религиозной идентичности и мировоззрения, что, несомненно, относится к прошлой метафизике первого Начала, которое уже закончилось. Фактически, в подавляющем количестве случаев, речь идет об онтическом (до-философском, обыденном-как-обывательском) мышлении и возврате в его лоно. Это обывательское толкование язычества, которое отделяется от постмодернистского New Age прозрачной и [почти] несуществующей границей, то есть они активно сообщаются и представляются нами хоть и разными, но тесно связанными, смешанными явлениями.

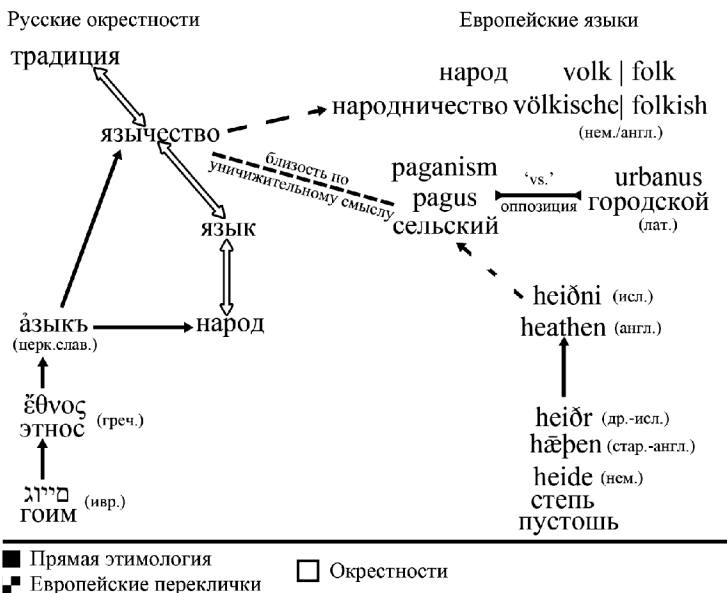
Иная ситуация складывается с языческим традиционализмом, который возвышает свой горизонт над онтическим к метафизическому и онтологическому, *отчетливо понимая конец живых традиций прошлого и вставая в позиции традиционализма-как-философии*. Когда человек, рядовой язычник какой-либо общины или организации, осознает *уже свершившуюся законченность* традиции, но при этом слышит зов бытия, он *уже не принадлежит* онтическому, обывательскому язычеству, но *уже открыт* традиционализму, который позволяет осмыслить исторический процесс на ином уровне. Но эта открытость не является гарантией свершения перехода от обывательского язычества к философскому. Когда случается прозрение в смерти традиции —

¹³ Важно уточнить, что в период Третьего Рейха М. Хайдеггер в «Черных тетрадах» высказывал скептицизм относительно *völkish*, но это связано с тем, что он использовал это слово в значении «национализма» и в адрес уже упомянутого одноименного движения; отлично от традиционалистского перевода этого слова как «народничества».

открывается бездна ужаса, которую невозможно завалить вещами и техникой сущего. Язычник становится — может стать, а может и нет — не религиозным язычником, а язычником-философом, и пока жива философия — живо и язычество. А верхним или самым фундаментальным горизонтом философии является фундаменталь-онтология Sein-бытия Мартина Хайдеггера.

Страх и смущение перед употреблением слова «язычество» выдает в человеке то, что он, осознанно или нет, стоит на позициях креационизма и его толкования онтологии и философии. Но ядро язычества — это его манифестационистская сущность, и употребляя термин «язычество», мы в первую очередь имеем в виду manifestare и всю вытекающую из этого онтологию, метафизику, мышление и структуры. В этом традиционализм гораздо ближе к пониманию досократического и хайдеггерианского *φύσις*. Такое понимание язычества уже не имеет ничего общего с языческими движениями современности.

Здесь мы также выскажем мысль в виде озвучивания, но не навязывания такой точки зрения, так как для утверждения этой мысли требуется тонкое и глубокое сравнение двух философий — М. Хайдеггера и традиционализма. Наша мысль заключается в следующем: традиционализм основывается на постулате, что современный мир, Модерн — это время Конца, Эра Волка или Рагнарёк. Традиция закончилась, но есть традиционализм, который осознает и признает этот конец и утверждает, что мы пребываем в его сердце здесь и сейчас. Согласно циклической доктрине, эра Конца разрешается в эсхатологическом событии (битве, растворении, переходе), после которого начинается Начало, новый Золотой век. В русле языка и мысли М. Хайдеггера мы можем внести нюанс, что Начало не начинается как свершение здесь и сейчас, как резкое «вот-оно-Начало», но оно *начинает начинаться*. То есть Начало начинает набухать, как почки на деревьях, оно начинает брать свой неспешный разбег, пока Конец может ещё тлеть и распадаться. Отсюда мы можем добавить ещё одно измерение к «хайдеггерианскому» пониманию «язычества», которое очертит дорожку к традиционализму. Дорожку не сверху вниз и не от предшествующего к будущему, но скорее просто путь, мост между берегами. Согласно этой дорожке, философское язычество Sein-бытия относится уже не к прошлому циклу веков, но высвечивает силуэты язычества *нового Золотого века* — иного мышления, иного отношения к бытию; бросает взгляд за горизонт.

III

Война как центр бытия Германского Логоса

Война и воинственность лежат в основе Германского Логоса и психологии германцев, закладывая особое восприятие мира, окружающих племен и народов и особое мышление. Воинственность — доминантная черта германцев. На протяжении всей истории в германских обществах на континенте и в скандинавском ареале преобладали воинские *Mannerbund* — союзы мужчин-воинов второго сословия, воинской функции по Ж. Дюмезилю. К ним же восходят и все европейские королевские рода, основанные либо на всем протяжении являющиеся династиями и домами германских фамилий. Это отражает аллогенную теорию происхождения государств и элит; германские воинские союзы захватывали власть над народами, устанавливая свою королевскую либо царскую, как было с Рюриком на Руси, власть и династию.

Война являет собой особую стихию, которая предшествует собственно тому, *кто воюет, с кем воюет, за что (по какой причине) воюет* и тем более не ставит вопроса или никоим образом не намечает, не предопределяет того, *кто побеждает*. Сначала — война, она в центре, от нее уже как её производные разворачиваются лучи, полюса-фронты воюющих, изыскиваются причины и поводы (*во имя чего*), начинаются подготовительные и военные действия, происходят битвы и определяются проигравшие и победители. Германцы в своем бытии погружены в эту стихию как никто другой, чему на уровне мифа соответствует культ Одина, его дев-валькирий и Вальхаллы, а на уровне философии это максимально и фундаменталь-онтологически обосновано Мартином Хайдеггером в четверице, *das Geviert Seyn-бытия*; а также эксплицитно воплощено во всей германской истории до XX века.

Описанное нами понимание войны теснейшим образом резонирует с максимальной Гераклита Тёмного:

«*πόλεμος πάντων μὲν πατήρ ἐστι, πάντων δὲ βασιλεύς, καὶ τοὺς μὲν θεοὺς ἔδειξε τοὺς δὲ ἀνθρώπους, τοὺς μὲν δούλους ἐποίησε τοὺς δὲ ἐλευθέρους.*

Война — отец всего и царь всего; одних он делает богами других — людьми, одних — рабами, других — свободными».

Досократическое греческое мышление порождает максимум, с которой вполне могли бы согласиться — и в лице М. Хайдеггера такое согласие случается — германцы, воплощавшие её в чистом виде, и которая была осью и нервом их традиции и мировоззрения.

Бог войны в греческой мифологии — Арес, а Полемос — его спутник, который олицетворяет саму стихию битвы, сражения, он витает на поле боя между воинами, ударами мечей о щиты, атаками и контратаками, доблестью и смертью, в то время как Арес пребывает над полем боя, сверху. Полемос — Бог-мужчина, и слово *poletos* — мужского рода, как и немецкое слово *Krieg* и древнеисландское *gunnr*, означающие войну и конкретное сражение, битву. В русском языке слово «война» — женского рода, так же как и слово «брань», от которого произошли «браниться», «пере-бранка», «поле брани». Поэтому в переводе изречения Гераклита мы умышленно допустили «ошибку», указав «война — отец всего», а не «война — мать всего». От слова *poletos* происходит слово «полемика», означающее «спор», что точно передается русскими словами «перебранка» или «брань», которые позднее приобрели более бытовое значение «ругань», «ссора». Бог Один также является зачинщиком и подстрекателем конфликтов и войн. Но он, как и Арес, пребывает над полем боя и войной, он Бог, которому посвящают жертвы [врагов] и свои жизни воины, который, пребывая над полем брани, дарует победу одной стороне, нередко волонтаристски и капризно, и он же пирует с ними в Палатах Павших. К стихии битвы, *gunnr/krieg/poletos*, относятся девы-валькирии, др.-исл. *valkyrjas*, которые в пылу сражения отбирают половину лучших павших воинов в войско Одина — в эйнхейрии. Предводительницей валькирий, особой воинской женской свиты Одина, является Фрейя из рода ванов. В словах *Valhalla*, *valkyrja*, в одних из имен Одина и Фрейи — *Valföðr* и *Valamoðer*, Отец павших и Мать павших соответственно — первый корень *val* восходит к индоевропейской фонеме **vl* — «павший», «мертвый», откуда др.-исл. *valr*, норв. *valen*, англ. *fallen* — «павший» или «погибший, умерший». *Valkyrja* — «Та, что уносит павших с поля боя». Можно сказать, что Один со-участвует в войне, непосредственно между клинков и секир, опосредованно через валькирий, которые находятся в гуще событий, атак и смертей. Сближение женщин-валькирий с русской «бранью» в женском роде является слишком опосредованным и контекстуальным, а не этимологическим.

Резонанс между озарением «*πόλεμος πάντων μὲν πατήρ ἐστι...*» Гераклита и воплощением *krieg* в германцах, Германском Логосе, укладывается в ось Эллинское–Германское. Полнокровную стихию войны *poletos-krieg* мы обнаружим в многочисленных латино-германских войнах Рима с германскими племенами, описанными историками преимущественно греческого происхождения. В ту эпоху Один воплощал собой Бога–

подстрекателя войн полноценно, он создавал и разрушал союзы, обращал друзей во врагов, сеял вражду как между самими германцами, так и наводил их на римлян и галлов. Это время ещё живой, ничем не сдержанной стихии чистой воинственности, когда война — в основе, а *кто и с кем, против кого* — лишь производные, которые конституируются самой войной как её проявления; без войны их просто нет.

Война — это первостихия, из-себя-излучающая в противоположные стороны фронты, союзы, соперников, павших и победивших, и она выражается огнем. Война – это огненная стихия, огонь — это война.

В споре с Тором Альвис называет различные имена огня у людей, титанов и Богов:

26.
«Огнем — у людей,
Жаром — у асов,
у ванов — Бушующим,
Жадным — у турсов,
Жгущим — у карликов,
в Хель он Стремительный»

26.
«Eldr heitir með mönnum,
en með ásum funi,
kalla vág vanir,
frekan jötnar,
en forbrenni dvergar,
kalla í helju hröðuð.»

Различие имен указывает, что в разных мирах, у разных существ и на различных метафизических уровнях огонь воспринимается по-разному, воплощает собой различные сущности. Среди асов он — жар, funi — от слова fug — «пламя». В subtilном мире Богов огонь есть не материальное пламя (eldr как человеческий «огонь вообще»), но природный жар исступления и тяги к активному воинскому деянию, огонь избытка. Противоположен ему жадный пожирающий огонь титанической нищеты йотунов.

Огонь связан с войной множеством связей-воплощений: орудия войны куются в огне – горниле кузницы, в его жаре сталь меча становится прочной и готовой нести смерть, победу и славу; война ведется огнем — факелами, огненными стрелами, пожарами и палами («под-палить»), поджогами и выжиганием деревень и городов противника; жар исступления — это огонь войны в груди берсерка или воина, его кровь «горячая», характер «вспыльчивый»; война — пространство, где Дух пылает; в конце концов, найдя свою смерть на поле боя, славные воины, конунги и ярлы, отправляются в иные миры, Вальхаллу или Фолькфанг, на пылающем костре или ладье, путешествуя на пламени, которое уносит их

ввысь. В мифе мы встречаем огонь на заре мироздания, космогенеза, при столкновении ледяного Нифльхейма с огненным Муспельхеймом, из искр от этого столкновения происходят первосущества. Владыка Муспельхейма огненный великан Сурт — Surtr, Чёрный — так же появляется в эсхатологической битве на поле Вигрид, срубая огненным мечом Иггдрасиль, тем самым полагая конец битве асов и турсов и всем девяти мирам; огонь — это начало и конец, конституируемые войной.

Для германца соответственно его второму воинскому сословию «быть» означает «быть-в-войне» — в моменте боя, атаки на противостоющего врага. Мир — это время приготовления к бою, бой — это вспышка, миг бытия-здесь-и-сейчас, безвременье (как миг, в котором время снимается) аутентичности; «быть значит бить».

Мы вводим следующий нюанс в понимание боя, схватки, битвы, в котором тонко кроется возможность к аутентичности и неаутентичности Dasein на поле боя. Воин может выходить против врага двояко: первый, снаряжаясь на бой, облачит себя в лучшие одежды, щитки, кольчугу, оденет самый благородный и лучший шлем, возьмет украшенный золотом меч, возьмет статного коня и добрую, такую же благородную и яркую свиту, штандарты, флаги, прикажет трубить горн и греметь барабанам. Второй же выйдет против врага голым, измазанным сажей или пеплом, опьяненным веществами или иступленным без какого-либо внешнего воздействия, с одним простым, но верным мечом и деревянным щитом.

Первый — это конунг, ярл, король, который выражает собой волю к власти и разделяет часть своего статуса с вещами (именной меч, штандарт, украшенный конь) и делегирует его свите (знатные рода, сыновья, вассалы). Накал воинственности здесь снижается красотой репрезентации мощи (macht) и окружения — как людей, так и вещей, требующих ipso facto власти и воли, которая будет удерживать их при себе, при властителе. При этом это не отменяет воинской доблести, храбрости, умения и знания военного дела и благородства ведения войны. Но здесь, в этом окружении роскошью, людьми и вещами, уже кроется дистанция и отчуждение от стихии войны, конвертация пламени её огня в блеск платьев, золота и славы.

Второй — это воин, по природе наиболее близкий стихии войны, иступленный и священно-одержимый асом Одним. Ему, даже если де-факто и есть что терять из материального багажа и имущества, это безразлично. Он выходит на бой как уже мертвый, не-присутствующий как личность, но только лишь как воин ради битвы здесь-и-сейчас, в которой